

18+

РОМАН НЕ БЕЗ ЮМОРА

**РАЗВЕДЁННЫЙ
ЭКСПЕРТ ПО
СЕМЕЙНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ**

ВЛАДИМИР ШЕВЕЛЕВ

Владимир Шевелев
Разведённый эксперт
по семейным отношениям.
Роман не без юмора

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67694954
ISBN 9785005652461*

Аннотация

Проблемы в отношениях? Семья на грани распада? Обращайтесь к настоящему профессионалу своего дела – семейному коучу Виталию. Психологического образования у него нет, он циничен, разочарован и часто ведёт приём нетрезвым. Брак самого Виталия развалился с треском, и даже родной сын не хочет с ним разговаривать. Но это мелочи. Виталий вам обязательно поможет. А, может быть, и нет. Вообще-то он не особо хочет помогать, но ему нужны ваши деньги. И да, скорее всего, вы ему не нравитесь...

Содержание

I	5
II	14
III	27
IV	40
V	53
VI	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Разведённый эксперт
по семейным отношениям
Роман не без юмора**

Владимир Шевелев

Первый шаг к мизантропии – покупка зеркала

© Владимир Шевелев, 2025

ISBN 978-5-0056-5246-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Второй шанс, новая жизнь.

Обычно в провинции это означает переезд в Москву или Питер. На худой конец – в Ростов или Казань, если вы скромный житель Поволжья. Я же осмеливался просить у судьбы второй шанс, направляясь в беднейший город-миллионник. Надеялся стать птицей феникс там, откуда многие предпочли уехать за длинным рублём, а те, кто посмелее – за длинным долларом. Ну и что? Ведь нельзя повстречать золотую рыбку, плывя по течению. Да и мухи постоянно ошибаются.

Волгоград. Сухой и жаркий воздух, слепящее солнце и раскалённый асфальт. Перебежки от сплита до сплита в поисках прохладной минералки. Красный загар к концу мая.

Ещё в поезде я позвонил Сашке, но он, естественно, не ответил. Так меня встречал друг детства и потенциальный благодетель. Сашка даже бровью не поведёт, пока кто-то не обозначит свою потребность в разговоре многочисленными звонками. Он никогда не берёт трубку с первого раза с тех самых времён, когда по всей Саратовской губернии за ним гонялись коллекторы, вдохновлённые исторической памятью об эпохе утюгов.

Нельзя было вступать в новую жизнь неприлично обросшим, поэтому с вокзала я отправился в дорогую и, похоже, модную парикмахерскую, куда записался накануне по интер-

нету. Третья строка в поисковике. Приглянулось нейтральное описание, без тревожных отсылок к «особой мужской атмосфере». Говоря по-простому, мастера – женщины. Признаюсь, я старомоден. Раз уж мою голову неизбежно будут крутить в разные стороны, то пусть вторжение в личное пространство осуществят женские руки.

Миновав несколько кварталов неспешным шагом, я наткнулся на неожиданное препятствие. На моём пути выросла бабуля в застиранном платье, до боли напоминавшем халат. В руках – бесформенная сумка, на лице – растерянность.

– Молодой человек, – начала она почему-то с лести, – а где сберкасса?

Захотелось ответить: «В прошлом, женщина!» – но я смалодушничал:

– Извините, я не местный.

Бабуля от удивления открыла рот и замерла. Пауза в событиях затягивалась. Я не смог найти ни одной реплики, приличествующей моменту, и поспешил откланяться. Когда-нибудь, лет через сорок, новое поколение бабуль будет приставать к прохожим, прося поставить им лайк или показать дорогу к ближайшему тату-салону. Прохожим будет неловко за свою молодость и чужую старость.

Проходя мимо банка, я взгляделся в своё отражение. Отёкший и небритый, но не настолько, чтобы вызывать живой интерес у постовых. Конечно, на моём лице не было столько радости, как у девушки с плаката напротив, которая по скид-

ке сдала анализы, но в целом выглядел я неплохо.

Восприятие собственного возраста давно приобрело волнообразный характер: я периодически считал себя то очень старым, то очень молодым. Бывшая жена, когда уже стала Светой, часто упрекала меня, что я старик в душе. Не удивляйтесь, хронологически у моей бывшей жены было несколько имён: Светик, Света и уже перед самым разводом – Светка. Чехарда со сменой имён уместилась в восемь лет совместного быта.

Я перешёл дорогу на красный сигнал светофора, не обращая внимания на истошные крики из фольксвагена. Немного помедлил перед входом в парикмахерскую, расположившуюся на первом этаже отреставрированной сталинки. Огромные ножницы на фасаде внушали трепет.

В дверях наткнулся на блондинку с пурпурной прядью на голове. Девушка окинула меня требовательным взглядом, видимо ожидая реакции на её колористические эксперименты с волосами.

– Пойдёт, – сказал я вслух и обмер.

Надо бы следить за языком в новом городе. Этот навык способствует сохранению целостности лица.

Когда я вошёл, в мою сторону повернулось несколько девичьих головок. Движение было столь синхронным, что вспомнились документальные фильмы о сурикатах. Плотноядные лица на ресепшене заискрились улыбками.

– Здравствуйте! Вы к кому?

– Здравсте... Я записывался к Марии. Через сайт.

Ко мне подбежала тощая девушка-администратор и предложила на выбор чай или кофе. Я отказался, слегка смущённый её близостью и громадной разницей в росте. Она заискивающе смотрела на меня откуда-то снизу, почти уткнувшись носом в пупок. Я инстинктивно втянул живот, что для человека моего возраста уже, пожалуй, несолидно. У нас мужики старше тридцати пяти живот не скрывают, а наоборот, горделиво выпячивают, как наглядное свидетельство съеденного и выпитого. Так как все на самом деле верят только лишь в удовольствия и ради них живут, то пивной живот – это достижение. Я, мол, времени даром не терял – едал-с, пивал-с.

Вторая девушка попросила меня подождать на диванчике. Я повиновался, зачарованный видом её нарисованных бровей – две тонкие перевёрнутые галочки на скуластом лице. Человеку, хоть раз видевшему портрет Брежнева, трудно привыкнуть к бровям без волос.

– Может быть, вам всё-таки сделать чай или кофе? – опять спросила тощая.

– Нет, мне бы постричься.

Девушка заметно помрачнела.

Станным образом моё присутствие на узком диванчике беспокоило обитательниц ресепшена. Стоило мне бросить взгляд на наручные часы или уткнуться в смартфон, как мне вновь предлагали чай или кофе. Отказываться было уже неудобно, но и пить совершенно не хотелось. Лицо тощей

девицы выражало отчаяние.

Спустя минут десять ко мне всё-таки подошла та самая Мария. На лице – медицинская маска. «Или умудрилась заболеть в такую жару, или не хочет, чтобы я её запомнил», – подумал я.

Пока Мария ловко орудовала ножницами, то и дело подстригая воздух, я поглядывал на её рваные джинсы. Такой фасон я видел впервые. По сути, это можно было бы назвать одной сплошной дырой, если бы не вкрапления синей материи. Образ бунтарки опасно приблизился к образу бомжихи.

В соседнем кресле какой-то парень громогласно делился со всем залом перипетиями отношений со своей девушкой. Та накануне, в пылу ссоры, выбросила с балкона все его рубашки, а он в ответ запустил в неё куском пиццы. Впрочем, это не помешало им потом отправиться в гости к общим друзьям, среди которых был бодибилдер, который съедает по двадцать яиц в день.

Парня стригла смуглая девчонка с пирсингом в носу. Она, посмеиваясь, поддакивала ему и задавала уточняющие вопросы. Ободрённый вниманием, юноша принялся рассказывать, как ему удаляли нерв в зубе. Медсестра забыла поставить слюноотсос, и он залил кровью и слюной любимую футболку, привезённую прошлым летом из Турции.

Казалось, что все присутствующие знакомы друг с другом долгие годы, а я, обращаясь к Марии на вы, выступал в роли антикварной мебели. Чтобы отвлечься от назойливой

болтовни, я попытался сосредоточиться на рваных джинсах, но ничего не получилось.

Когда неугомонного паренька всё-таки закончили стричь, я вздохнул с облегчением. Однако уходить он не торопился. С него сдёрнули чёрную накидку и вручили чашку кофе.

– Меня Стёпа зовут, – сказал он смуглянке.

– А я Ника, – улыбнулась она.

Модную стрижку я оплачивал в окружении трёх девушек с ресепшена. На выходе меня окликнули:

– Может, всё-таки будете кофе или чай?

Предложили в седьмой раз. Элитная парикмахерская!

До встречи с Сашкой оставалось пару часов. Медленно прогуливаясь, я вглядывался в лица прохожих. Прежде всего меня волновало то, как на меня смотрят женщины. На лицах тридцатилетних я замечал интерес, а вот студентки меня поголовно игнорировали. Всё как в родном городе. То есть дело было всё-таки не в саратовских студентках.

Фирменным блюдом в ярко-зелёном киоске оказался фалафель в лаваше. Бородач с татуированной шеей просунул мне в окошко тёплый свёрток. Восточное блюдо, ирландский флаг на стене киоска и бодрые звуки волынки из динамиков – странное сочетание. Но, несмотря на стилистическую мешанину, фалафель был очень вкусным. Вот они, радости глобализма в Поволжье.

Ко мне подошла женщина в годах с внешностью председателя колхоза из советских чёрно-белых фильмов. Одним

словом, благонадёжная. Она держала за руку нарядную девочку, лет шести, с белоснежными бантами на голове. Смущённо улыбаясь, женщина попросила у меня тридцать рублей на проезд. Она пояснила, что потеряла кошелёк и теперь ей с внучкой не на что вернуться домой на окраину города, в Красноармейский район. Пока я доставал из кармана мятую сторублёвую купюру, женщина причитала о том, как ей неудобно просить постороннего о помощи. И как хорошо, что мир не без добрых людей. Потом она желала мне крепкого здоровья и долгих лет жизни.

У меня замечательная память на лица. Два года назад, когда я последний раз был в Волгограде, эта же парочка обратилась ко мне с аналогичной просьбой. Правда, тогда они остановили меня на набережной. За это время девочка заметно подросла, а женщина раздобрела. Либо за пару лет они так и не собрали нужную сумму на билет на маршрутку, либо бизнес был столь доходным, что возвращаться в Красноармейский район не имело смысла.

В парке возле футбольного стадиона я уселся на скамейку. Мимо ковыляли старики, тяжко охая не то от жары, не то от усталости. Доносились обрывки разговоров об артрите и повышении пенсии. Сонные мамы, разомлевшие на южном солнце, безучастно катили коляски со своими отпрысками в неведомое будущее. Царивший вокруг покой иногда нарушали студенты, с визгом реагируя на игру гормонов.

Удивительное дело: почти все прохожие мне кого-нибудь

напоминали. Вот прошла юная Леночка, староста моей группы в университете; вот, нервно озираясь, прошагал алкоголик дядя Коля со второго этажа родительской хрущёвки. Людей много, а типажей и жестов – мало. Тем не менее всякий верует в собственную уникальность. Остроносая, умеренно прыщавая студентка наверняка считает себя неповторимой. Но она даже не догадывается, что её косая ухмылка кем только не использовалась в общежитии Саратовского государственного университета почти двадцать лет назад. Никакой действительно новой гримасы человек породить уже не в состоянии. У всех есть только неисключительная лицензия на использование чужих ужимок.

В полдень стало нестерпимо душно. Кроссовки прилипли к асфальту, и запахло жжёной резиной. От жары не спасала даже тень от покосившегося тополя. Опасаясь растаять целиком, я направился в близлежащий торговый центр в поисках прохлады.

За столиком на территории фуд-корта сидела парочка. Они держались за руки и с нежностью (кстати, довольно противной) смотрели друг на друга. Вскоре к ним присоединилась женщина в бирюзовом платье. Она достала из сумки ноутбук и поставила его на стол. Похоже, что невеста с женихом обсуждали с тамадой грядущую свадьбу.

Женщина, развернув экран ноутбука к влюблённым, показывала им какие-то фотографии и что-то объясняла. Будущий муж энергично кивал головой в такт её словам, а вот

невеста оказалась не столь сговорчивой. Она презрительно сморщила крупный, мясистый нос, и всем, даже мне, стало ясно, что ни на какие уступки она не пойдёт. Возможно, что не только в тот момент, но и вообще. На лице будущей хранительницы очага отразилась вселенская скорбь. Похоже, цвет воздушных шариков или ассортимент лёгких закусок не соответствовал её мечтам о «самом главном дне», которые она лелеяла с детства. Будущий муж, разумеется, вообще никогда не думал о дне бракосочетания и с удовольствием перестал бы это делать в любой момент.

И вот такую бессмысленную суету мы называем подготовкой к свадьбе. Вместо того, чтобы неделями размышлять о том, под какую музыку состоится их первый танец, влюблённым следовало бы задуматься о танце последнем и составить брачный договор. Но такие хлопоты традиционно осуждаются. Зато у нас любят говорить банальности с глубокомысленным видом. И повторяют их, словно мантры, до тех пор, пока смысл сказанного окончательно не сотрётся. На семейных торжествах родня часто внушала мне социально приемлемую мысль:

– Какая, Виталик, у тебя семья хорошая! Сынок богатырь, жена красавица. Обеспечивает надёжный тыл.

– Только я ни с кем не воюю. Я пацифист.

II

Сашка арендовал офис в бизнес-центре рядом с площадью Чекистов. Громадная «стекляшка», как он уверял, считалась престижным местом в городе, поэтому высокая стоимость аренды его не смущала. «Это разумная инвестиция, – говорил он многозначительно, – понты в России всегда окупаются». Годы ведения разнообразных тренингов не могли не сказаться на Сашке, поэтому иногда он сбивался на менторский тон в разговоре со мной. Однако я не обижался. Возвыситься надо мной он не мог: я видел, как он ел козюльки в первый день в школе. Видел, как он убежал, словно заяц, от гопников с Североморской улицы. А уж сколько раз я держал его за плечи, когда он, в стельку пьяный, шумно блевал – и не вспомнить. Да и как вообще мог задираться человек, умудрившийся смыть в унитаз обручальное кольцо в первую брачную ночь?

Мы договаривались встретиться в два часа, но я пришёл пораньше. Смазливая девушка (на бейджике – «Юлия, офис-менеджер») сообщила, что Александр Вадимович ведёт занятие. Для столь шикарной внешности на ней была слишком целомудренная юбка, и я подумал, что Сашка теряет хватку.

Войдя в просторный конференц-зал, я тихо сел на крайнее место в последнем ряду. Сашка заметил меня и расплылся в улыбке. Прочие присутствующие не были настроены

так же благодушно. Лысый толстяк, похожий на пончик, с которого ветры времени сдули сахарную пудру, даже не поленился привстать со своего места. И всё это ради того, чтобы метнуть в меня сердитый взгляд.

Сашка, в чёрном костюме и столь же беспросветно чёрной водолазке, вальяжно расхаживал по сцене. Будто пресыщенный актёр, уставший от всеобщего поклонения, говорил он неохотно, с явной ленцой. Сашка снисходил с вершин мудрости до простаков, рассказывая что-то про технологии продаж, работу с клиентом и переговоры. Возле проектора стоял квадратный столик, на котором высилась башня из книг, вышедших из-под его пера.

– И мы опять приходим к тому, что успех – это технология. Это такая же технология, какую мы используем в личной жизни, спорте или работе. С той лишь разницей, что обёртка у неё другая, а суть та же. Понимаете, да? Чтобы быть успешным, нужно применять технологию, чтобы бизнес приносил прибыль – тоже требуется технология. Если клиент покупает товар, приносит вам деньги, значит, технология применяется правильно, но это только первый шаг. Формирование лояльности клиента – это тоже технология, как и степень удовлетворённости клиента...

Я не заметил ни одной мысли в его словах, но сидевшая ниже девушка ухитрилась конспектировать Сашкину речь, выделяя жёлтым маркером особенно ценные пассажи.

– Лидер тот, кто в совершенстве владеет технологией.

Притом совершенно неважно, знает ли он о том, что применяет технологию. Незнание не освобождает от успеха. Понимаете, да? Технология лидерства, технология продаж, технология процветания и успеха. Улавливаете, да?..

Я решительно ничего не улавливал, но все вокруг, как по команде, закивали. Видимо, мой радиоприёмник был настроен на другую волну. Убаюканный словом «технология», произнесённым за несколько минут под сотню раз, я перестал следить за его словами и погрузился в воспоминания.

Почти тридцать лет назад Сашка, тогда ещё патлатый румяный школьник, тоже стоял на сцене. В доме культуры имени Гагарина нас торжественно принимали в пионеры. Церемонию приурочили к очередному 7 ноября. Мне повязали обычный красный галстук, а вот Сашке родители потратились на атласный, и в нём он походил на холёного кота. Мы торопливо, запинаясь и краснея, произнесли клятву перед лицом товарищей. Потом играла бравурная музыка, и все нас поздравляли. Заканчивался 1990 год.

Экзистенциальный переход из октябрят в пионеры прошёл для меня практически бесследно. Пионерами мы числились несколько месяцев, так и не успев понять, к чему мы были всегда готовы и, главное, зачем. Ленинский уголок в школе за одну ночь утратил все изображения Ленина. Следующим утром завуч Ольга Николаевна, проходя по коридору, стыдливо прятала глаза.

В доме культуры имени Гагарина вскоре открылась сек-

ция каратэ, куда я сразу же записался. Чёрный пояс с лёгкостью потеснил в мечтах красный галстук. Однако постигал древнее боевое искусство я всего две недели. До первого удара под дых, нанесённого омерзительным парнем, каждое слово которого сопровождалось брызгами слюны. К боли я оказался не готов, и желание подражать Ван Дамму приобрело сугубо теоретический характер.

Закат советской империи и последовавшая за ним смена строя никак не сказались на нашей с Сашкой дружбе. Турецкие свитеры сменили форменную школьную одежду, у гимна потерялись слова, а мы по-прежнему сидели за одной партой и подшучивали над одноклассниками и всем этим абсурдным миром.

Лекция завершилась, и зал опустел. Сашка взял верхнюю книгу из нераспроданной кипы и подошел к мне.

– Не желаешь прикупить? – улыбнулся он.

– Нет. Ты же знаешь мой принцип. Я читаю только такие книги, где есть хотя бы две мысли.

– Целых две, конечно, обещать не могу. Но зато цена сегодня шоколадная. По скидке – всего лишь тысяча рублей.

– Сколько? – присвистнул я, испытывая пролетарское негодование.

Название шедевра не предполагало даже намёка на иронию – «Путь лидера. Секреты богатства и процветания». На обложке красовался Сашка в сером костюме-тройке. Он хищно улыбался, сверля взглядом потенциального читате-

ля. Пальцы рук у него были сложены диковинным образом, в форме ромба.

– А это зачем? – спросил я.

– Так нужно, – понизив голос, ответил Сашка.

Я не сразу заметил, что автором указан некий Александр Брасс.

– Брасс? – удивился я. – Это что еще такое? Ты что, пловцом заделался?

– А ты думал, что я учу делать деньги без псевдонима? Со своей настоящей фамилией?

Настоящая фамилия Сашки – Долгов.

– Ты вслушайся, как солидно звучит, – продолжал Сашка. – Брасс... Какие ассоциации вызывает? Брасс – это деньги, уверенность, стиль. Чувствуешь? Так зовут хозяина жизни. Он всё держит под контролем, и все блага мира сами падают ему под ноги.

– А у меня другие ассоциации: хлорка, брызги и вода в ушах.

– Это потому что ты дурак, Виталя, – усмехнулся Сашка. – Похоже на имя богача Красса. Античную историю учил? А ещё это «медь» по-английски.

– Медь, конечно, меняет дело, – сказал я.

– А как бы ты хотел? Ты только представь себе афишу – «Как жить без долгов вас научит А. Долгов».

– Ну, взял бы фамилию матери.

– Трошечкин? – взвизгнул Сашка. – Шутить изволите?

С такой фамилией хорошо собирать пожертвования на корм для котят. Дайте трохи на еду для крохи. Ты, кстати, занимаешься благотворительностью?

– Временами.

– Почему же не постоянно?

– Не такой уж я и грешник.

В зал вошла помощница Юля и попросила Сашку подойти к телефону. Банковский менеджер на проводе. Когда Сашка скрылся за дверью, помощница любезно предложила мне кофе. Из её рук я бы взял даже чашку с рыбьим жиром, настолько Юля была хороша.

Пока мой друг отсутствовал, я от нечего делать листал его книжку о пути лидера.

– Извини, Виталь – сказал он, вернувшись. – Банк уточнял назначение платежа.

– Ерунда, – проговорил я, не отрываясь от книжки. – Любопытно, очень любопытно. Вот как вам это удаётся?

– Что именно?

– Я недавно в книжный заходил. Помнишь, тот, что через дорогу от Облсуда? Так вот, мне бросилось в глаза, что классика издаётся на хреновой бумаге. Обложки мягкие, шрифт мелкий. На грани убогости! А вот у таких продавцов воздуха, как ты, обложки яркие, книги увесистые. Бумага – просто высший класс! Твоя книжка продается в два-три раза дороже, чем романы Толстого и Достоевского. И при всём при этом – ведь покупают твои книги!

– Ещё как покупают, – согласился Сашка.

– Причём ценность содержания... сам понимаешь. Но подаётся так, будто перед читателем философский трактат Платона... Так вот, я обратил внимание на одну книгу. Знаешь, набор клише о менеджменте. Мало того, что шрифт гигантский, буквы как на крыше Главпочтамта, так еще и между каждым высказыванием по пять красных строк. Представляешь? На огромной странице даже слов мало, а уж мыслей вообще почти нет.

– В прошлом году у меня вышла книга афоризмов. Не видел? Так я вообще хотел, чтобы на каждой странице было по одному афоризму. Два-три предложения, не более. Издатель отговорил. Халтура, мол. Читатель почувствует себя обманутым.

– Жалеешь, что дал себя переубедить?

– Немного, – ответил Сашка. – Понимаешь, классика будет продаваться, даже если её напечатать на туалетной бумаге. А нам приходится имитировать ценность высокой ценой, качественной бумагой и крупным шрифтом. Иначе – никак. К тому же с чего ты решил, что человек, покупающий мою книгу, действительно собирается её читать?

Сашка повёл меня на экскурсию по своим арендованным уголкам, показывая, как тут всё у него устроено. Недолгая прогулка по однотипным комнатам закончилась в его кабинете. Сашка включил сплит-систему и уселся в кожаное кресло с гигантской спинкой. Он казался хоббитом, случай-

но занявшим место исполина.

– Чувствуешь себя Гулливером в таком кресле?

– Не важно, как я себя чувствую. Важно, как меня воспринимают, – сказал Сашка и достал из ящика стола несколько ярких папок.

Стены кабинета выглядели как китель северокорейского генерала. Вместо нескончаемых орденов – шеренги сертификатов в рамках. А вот на рабочем столе было вызывающе пусто, если не считать ноутбука, покрытого слоем пыли.

– Я вижу, ты ничего не хранишь в чулане. Даже повесил на стену сертификат оператора ЭВМ.

– Не только, – засмеялся Сашка. – Ещё и грамоту за примерное поведение в начальной школе.

– Ты её что, украл? Откуда у тебя такая грамота?

Я не решался задать прямой вопрос о том, что за таинственную работу он был готов мне предложить. Дело было не в смущении. Просто сыпать остротами мне всегда нравилось больше, чем разговаривать на серьёзные темы. Словосочетание «серьёзный разговор» никогда не предвещает ничего приятного, а я категорически не приемлю сознательного мазохизма. Нет такой темы, которую нельзя обсудить, не опускаясь до унылого выражения лица. И небеса не рухнут от улыбки.

– Необжитый какой-то у тебя кабинет, – сказал я. – Видно, что с документами ты работать не любишь.

– Ты же знаешь, Виталь, я не только с документами, я во-

обще работать не люблю.

К чести Сашки надо отметить, что человек он был идейный. С детства не хотел работать и своего добился. Бизнес-тренинги, выездные семинары, лайф-коучинг и онлайн-консультации. В общем, всё что угодно, но только не восьмичасовой труд с перерывом на обед. Тем не менее путь Сашки был тернист. Когда он окончил саратовский педуниверситет по специальности «учитель истории», то испытал огромное облегчение. Жизнь безработного пришлась Сашке по душе, но ровно до тех пор, пока родители не стали на него давить – мать деликатно намекала о необходимости устроиться на работу, отец в открытую угрожал, что не будет его содержать до старости. Чтобы Сашка быстрее проникся идеалами трудолюбия, родители совсем перестали давать ему деньги. Он храбро сопротивлялся обстоятельствам, но через пару месяцев кризис выпускника, немилосердно спровоцированный родителями, накрыл его с головой. Сашка начал думать о будущем, что было, в сущности, неприятно.

О работе по специальности не было и речи – даже голод не смог бы заставить его вернуться в школу. Когда Сашка учился в шестом классе, возникла проблема, из-за которой он редко появлялся на уроках. Стоило ему перешагнуть порог учебного заведения, как тело его опоясывала зудящая сыпь, которую врачи обозначили каким-то мудрёным латинским словом. Сашка впоследствии назвал эту болезнь «ал-

лергией на школу», убеждая родителей в том, что она может вновь проявиться, если он пойдёт работать учителем. Поверил даже его строгий отец, отставной полковник с горячей точкой за плечами. «Психосоматическое заболевание – ничего не поделаешь», – разводил руками бывший вояка. Но денег по-прежнему не давал.

В итоге Сашка всё-таки устроился на работу. Репортёром в местную газетёнку. Вдохновлённый американскими сериалами, он надеялся вести богемный образ жизни, фланируя с «пати на пати». Есть канапе и бутерброды с красной икрой, запивая кулинарные изыски халявным шампанским. Оказалось, правда, что модные вечеринки в Саратове проводились не столь часто, но это было ещё полбеда. Никто на них Сашку не звал и, судя по всему, даже не собирался. Светская жизнь повернулась к нему широкой спиной охранника ночного клуба. Сашке приходилось освещать сельские праздники и писать очерки о борьбе за урожай. Он интервьюировал комбайнёров, удивительным образом повторявших ровно то, что он у них спрашивал. Зарплата была мизерная, почти незримая. Вдобавок выяснилось, что на удостоверение репортёра девчонки не клевали. В общем, не работа, а сплошные минусы. Вскоре он вышел из редакции с лёгким сердцем и трудовой книжкой в руках.

Сашка не торопился искать новую работу: у него вдруг появилась ненасытная тяга к эзотерическим знаниям. Аюрведа, йога, НЛП, тантра, гипноз, праноедение – ничто не оста-

лось без его внимания. Целыми днями он торчал на каких-то семинарах, где улыбочивые гуру рассказывали о том, как они постигали мудрость у не менее улыбочивых гуру в Индии. В погоне за просветлением Сашка отказался от мяса и рыбы, а для пущей верности – ещё и от молока. Иногда он оборачивал своё худое тело в ярко-жёлтый саронг и в таком виде выходил из дома. «Балбес», – горько качал головой отец. На Пасху Сашка отказался не только от кагора, но и от куличей. «Непутёвого сына вырастили», – соглашалась мать.

Немного погодя Сашка осознал, что уже переполнен мудростью и готов щедро ею делиться со страждущими. Он понял, что ему нужны ученики. Желательно, платёжеспособные. Сашка обещал снять энергетические блоки и научить тантра-йоге. На заработанные деньги он хотел открыть первый в городе веганский бар, где за кружечкой морковного смузи собирались бы светлые личности и обсуждали духовный рост.

Сашкины семинары популярностью не пользовались, а вносить плату за аренду зала требовалось ежемесячно. Он влез в долги. Время шло, но ситуация не менялась. Желющих снять энергетические блоки по-прежнему было совсем немного, и от безденежья Сашка начал питаться праной. И вот тогда, в критический момент жизни, он встретил Ирину, свою будущую супругу. Она спустила его, бледного, исхудавшего и измученного мантрами, с небес на землю и сытно накормила. Прана оказалась не очень-то пита-

тельной.

– С кем у тебя теперь любовь-морковь? С помощницей? – спросил я.

– С Юлей? – округлил глаза Сашка. – Нет, что ты! Ты видел её нос?

– А что с ним не так? Нос как нос вроде.

– Коротковатый. Он её сильно портит и придаёт какой-то хищный вид.

Я фыркнул и закатил глаза:

– Тоже мне проблема – нос...

– Не в этом дело, – серьёзно ответил Сашка. – Она ведь очень привлекательная – фигура, грудь. Но раз я обращаю внимание на такую мелочь, как короткий нос, то, видимо, она не мой человек, и мне не подходит. Чужая душа, понимаешь? Ведь она человек со свойственными только ей чертами характера. Личность! А меня раздражает форма её носа.

Сашка невозмутимо смотрел на меня круглыми карими глазами. Я задумался, всерьёз ли он это говорит, но не решился развивать тему родства душ с губастыми помощницами и промолчал.

– Вижу, ты налегке, без чемодана, – сказал Сашка. – Где планируешь остановиться?

– Ничто не сможет меня остановить, – хмыкнул я.

– Понятно. Значит, у меня, – скорчил гримасу ужаса Сашка и воздел ладони к небу.

– Конечно, у тебя. Если только твоя жена не будет против.

А то опять скажет, что я тебя спаиваю, способствую твоей деградации. Кстати, всё более заметной. Да и вообще такие друзья, как я, вредят карьере.

– Ничего она не скажет. Мы с Ирой уже полтора года не живём вместе. Разве я не говорил тебе? – спросил Сашка.

– Говорил, но прямо противоположное. Что у вас всё хорошо, – сказал я.

– У нас действительно всё отлично.

– Теперь это так называется. Ясно.

– Слушай, Виталь, ты обедал? Ну вот. Давай заглянем в какой-нибудь ресторанчик, выпьем, и я тебе всё расскажу про работу и про Иру.

От таких предложений я принципиально не отказываюсь.

III

Даже в провинции многим уже надоели заведения с итальянской кухней. Собственники почувствовали усталость публики и с лёгкостью пожертвовали криво понятой концептуальностью. Людям свойственно без сожалений расставаться с тем, что кажется им бессмысленным. В заведениях, названных в честь итальянских городов, задымились кальяны, а в меню появились бургеры и азиатские удоны.

– Восхищаюсь теми, кто владеет итальянскими кафешками, – сказал Сашка, когда мы вошли. – У них гости едят те же самые макароны с соусом, что и дома, но платят за них в пять раз больше. Ещё и называют это модным словом «паста».

– Мы поэтому пришли именно сюда?

– Нет, здесь бургеры вкусные. А ещё я знаю собственника. Жорик, отличный мужик. Такой, знаешь, бывалый, крепкий собственник. Сидел за растрату в советское время.

Мы заказали двойные бургеры с картошкой фри, бутылку водки и соленья. Официантка похвалила наш тонкий вкус и скрылась в недрах заведения. Пока ждали заказанное, Сашка рассказывал бородатые анекдоты, пользуясь тем, что у меня на них плохая память, и каждый раз я смеюсь от души. Более благодарного слушателя, чем я, не найти.

Мы звонко чокнулись, выпили и закусили черемшой. Потом закусывали исключительно бургерами с вишнёвым со-

усом. Две студентки, сидевшие за соседним столиком, притворялись, что делают селфи, а в действительности снимали наши кулинарные изыски.

– Ира заболела, – сообщил раскрасневшийся Сашка.

– Что с ней?

– Сделала аборт и впала в депрессию. Психологический кризис.

– Сочувствую вам... – потупился я.

– А мне-то чего сочувствовать? – удивился Сашка. – Я здесь ни при чём.

– А от кого же тогда был ребёнок?

Сашка пожал плечами и налил ещё по одной. Пододвинул ко мне стопку. На безымянном пальце правой руки блеснуло кольцо.

– Точно не знаю. Но что-то мне подсказывает – от какого-то мужика.

– А зачем она аборт сделала? – спросил я.

– Говорит, что пока не готова стать матерью. Рано ещё.

Повисла пауза. Я задумался, прикидывая в уме возраст Иры, но Сашка прочитал мои мысли.

– Не мучайся, – улыбнулся он, – ей сорок три года.

Сашина жена, Ира Семигорова, восхищала меня настойчивостью и оптимизмом. Но такой жизнелюбивой она была не всегда. До прозрения, совпавшего с получением кандидатской степени, Семигорова считалась серой мышью. Так её называли на родной кафедре русской филологии, где она

осталась преподавать после окончания. Это можно было считать лестной характеристикой, учитывая, что юристы и экономисты, у кого Семигорова вела культуру речи, в лучшем случае считали её фриком. Статус непрофильного предмета развязывал студентам языки, и они соревновались в желчном остроумии. Конкуренция приводила к высокому качеству злых шуток. Семигорова делала вид, что не обижалась. Говорила, скрипя зубами, что мнение «мажоров» ей безразлично.

В определённой мере она стала предметом насмешек из-за своей внешности. Бедность и презрение к стандартам красоты смешались в неизвестной пропорции. Семигорова не пользовалась никакой косметикой, кроме крема для рук. Носила длинную косу до пояса и избегала каблуков, как бандит правосудия. Улыбка обнажала жёлтые зубы. Образ завершали стоптанные балетки и вытянутая кофта. В общем, кличка «Гламур» приклеилась не на пустом месте.

В личной жизни у Семигоровой наблюдался полный штиль, и даже редкий лёгкий бриз казался недоразумением, странным отклонением от нормы. После успешной защиты диссертации, которую она писала с болезненной самоотверженностью, Семигорову накрыла волна отчаяния. Больше жить так, как прежде, она не могла. Семигорова твёрдо решила, что заслуживает всего самого лучшего. Так началось её преображение.

– Сейчас Ира не может работать. И неизвестно, что даль-

ше будет, – сказал Сашка. – Вести тренинги некому, и наш бизнес потерял половину выручки.

У них в семье было хрестоматийное разделение труда: Сашка учил бизнесменов зарабатывать, а Семигорова помогала клиентам налаживать личную жизнь. Отлаженная схема долгое время служила им верой и правдой. Клиенты улыбались, банковские счета росли.

– В общем, Виталь, я предлагаю тебе заменить Иру. Станешь экспертом по семейным отношениям. Будешь учить тому, как обрести счастье в браке. Или счастье вне брака. Что, удивлён? Подумай: и мне хорошо, и тебе хорошо.

– Эм... неожиданно. Я думал, что ты меня в какую-нибудь компаниюстроишь, ведь ты многих лично знаешь. Нефтяную, газовую, на худой конец – на кондитерскую фабрику или молокозавод.

– Зачем тебе это? – махнул рукой Сашка. – С работы достойного выхода нет – только на пенсию. К тому же, кем ты там, в нефтегазовой компании, собрался работать? По профессии, что ли?

– Ну зачем же так сразу, – засмеялся я. – Можно гендиректором, хотя лучше у меня получится быть собственником. В этом деле я просто неподражаем.

После защиты дипломов декан Виноградов, морщинистый дядька блаженного вида, обратился к нам с проникновенной речью. «Дорогие выпускники, – заскрипел он, – запомните: перед вами открыты все двери. Социолог может

работать в любой сфере и в любой компании». Я не удержался и спросил: «Это потому, что он такой универсальный, или потому, что его ничему не научили?» Наградой мне был смех аудитории и недовольная гримаса на лице декана. Однако догадка в принципе оказалось верной, что подтвердили мои будущие мытарства в поисках работы.

Работодатели хмурились, глядя в диплом, и недоумевали – зачем им социолог? Самое печальное в том, что и я этого не знал – зачем им социолог в компании по продаже автомобильных запчастей? С тех пор я не очень-то хотел работать по профессии.

– К тому же, – продолжал Сашка, – ты унаследуешь её клиентуру. Многочисленную и платёжеспособную аудиторию. Тебе не нужно будет привлекать людей, достаточно просто сделать так, чтобы они не убежали от тебя в панике.

– А Ира не против таких наследников, как я?

– Не против. Но не знаю, правда, можешь ли ты рассчитывать на её помощь. Но она точно не будет мешать, а это уже немаловажно. Вообще, тебе следует думать не об Ире, а о клиентах. Важно, чтобы они захотели перейти к тебе по наследству.

– Ну не знаю... – я постарался изобразить сомнения, хотя Сашкина идея мне, в общем-то, нравилась. Полноценный вызов.

– Ещё один нюанс. Как ты уже догадался, в основном клиенты Иры – женщины. Как ты к женщинам относишься, Ви-

таль? – ухмыльнулся Сашка.

Я задумался, тщательно подбирая слова.

– В основном я ими восхищаюсь, иногда ужасаюсь, но никогда не чувствую равнодушия.

– Ну, вот и отлично. Давай выпьем за женщин!

Закусив солёным огурчиком, Сашка продолжал:

– Вращаться в среде, где столько несчастных в отношениях женщин – это улыбка судьбы, Виталь. Многим мужикам о такой работе остаётся только мечтать. К тому же человек ты с недавних пор холостой. Ничего тебя теперь не ограничивает.

– Штмп в паспорте меня никогда не стеснял, – соврал я.

– Молодец, прям как я.

В любвеобильности за Сашкой было не угнаться. В клинике, где он регулярно сдавал анализы на ЗППП, у него была карта любимого клиента. Он всегда изменял Семигоровой охотно и с огоньком, причём с её молчаливого согласия. Ира никогда бы не простила Сашке второй семьи, а секс на стороне её не беспокоил. Возможно, сказывалась разница в возрасте. Семигорова была старше мужа на шесть лет. «Духовно я ей никогда не изменял», – уверял Сашка и, приходя домой от очередной красавицы, любил жену ещё сильнее. К светлому чувству примешивалась невыразимая благодарность.

– Не знаю, смогу ли я выступить перед публикой, – сказал я серьёзно. – Есть одна проблема.

– Какая проблема? – удивился Сашка.

– Я косноязычен, когда нервничаю. А нервничаю я всегда.

– Да брось ты. Освоишься со временем, даже удовольствие начнёшь получать. Я тебе помогу. К тому же подумай – а кто Иру учил?

Семигорова, надо сказать, всего достигла сама. В одиночку справилась с депрессией после защиты диплома. Не обращалась ни к врачам, ни к целителям: обошлась молдавским вином и книжками по популярной психологии. Накопила денег и отправилась в Москву к легенде инфобизнеса Алавердыеву, который обучал не предпринимателей, а других, таких же, как и он, бизнес-тренеров, зачастую провинциальных. Получив сертификат о прохождении курсов Алавердыева, Семигорова смело могла называть себя «дипломированным бизнес-тренером» и козырять корочкой в Саратове.

Вернувшись домой, Семигорова всерьёз занялась своей внешностью. Она запомнила обидный урок, который преподал ей Алавердыев. Он при всех раскритиковал её одежду, причёску и жёлтые зубы, сказав, что пока она так выглядит, к ней на тренинги будут ходить только бездомные. Или безумные. Пока аудитория смеялась над остроумием Алавердыева, Семигорова растерянно улыбалась, закусив губу с такой силой, что вскоре выступила кровь.

Первым делом Семигорова купила абонемент в бассейн и начала бегать по утрам. Потом уговорила стоматолога варварски отбелить ей зубы, которые после проведенных манипуляций стали светоотражающими. В телефоне у неё по-

явились контакты стилиста, косметолога и даже диетолога. С пресловутой косою до пояса, любимым объектом студенческих шуток, она распрощалась.

Семигоровой пришлось влезть в долги, чтобы оплатить преобразование внешности. Отучиться у Алавердыева оказалось дешевле, чем привести себя в порядок. В красавицу она не превратилась – здесь потребовалась бы помощь генетиков из будущего. Тем не менее теперь в зеркале она видела ухоженную девушку с миловидными чертами лица.

А вот потом начались проблемы. Несмотря на все усилия Семигоровой, бизнес не пошёл. Клиентов было мало, а легковверных среди них – совсем единицы. Ей задавали неудобные вопросы: почему она учит других, если сама не занималась бизнесом? Зачем идти к ней на тренинг, когда те же прописные истины можно найти в любом учебнике по менеджменту? Семигоровой приходилось врать, выдумывая несуществующие заслуги. Она ссылалась на успешно проведённые тренинги в компаниях, где о ней никто не слышал.

Семигорова ходила по краю пропасти, и вскоре бездна обратила на неё внимание. Дотошный владелец мясной лавки проверил её слова и не преминул уличить во лжи в самое неподходящее время. Во время её выступления. В тот вечер Семигорова полюбила в себе женщину, потому что поняла, что будь она мужчиной, её вполне могли бы побить. Малый бизнес не любит, когда его по-крупному разводят.

В любом случае репутация Семигоровой оказалась безна-

дёжно испорченной. К тому же, почувствовав запах крови, возбудились кредиторы. Семигорова погасила часть долгов и сбежала из Саратова в поисках ещё более тихой гавани. Три месяца пила чай с мятой у родственников в Курской области. Потом переехала в Волгоград, где остановилась у бездетной и очень гостеприимной тётки.

Семигорова рассудила, что падать духом нет никакого смысла. Не получилось в Саратове – получится в Волгограде. Городов в России много, и везде живут прекрасные люди. Семигорова позабыла о проблемах предпринимателей и обратилась к вечной теме – семейным отношениям. Собственного опыта жизни в браке у Семигоровой не было, но зато у неё за плечами была сотня прочитанных книг по психологии и поучительные истории подруг. Она легко могла объяснить, как нужно искать вторую половинку и когда стоит уйти от неверного мужа. Теоретические знания подкреплялись искренним интересом и деликатностью, что участницы тренингов в Волгограде оценили весьма высоко.

В родной Саратов она возвращалась редко и неохотно. На несколько дней, только чтобы проведать родителей. Одна из поездок на малую родину оказалась судьбоносной. Както Семигорова заглянула на курсы тантра-йоги, которые вёл измождённый праноедением Сашка. Тут всё и случилось. Спустя три месяца он переехал в Волгоград, где влюблённые не мешкая сыграли скромную свадьбу.

Авторитет Семигоровой как семейного коуча укрепился

за счёт молодого и симпатичного мужа. Сапожник обзавёлся первоклассными сапогами и мог теперь с гордостью поглядывать на прохожих. Сашка стал живым символом её компетенции в вопросах отношений, полноценным трофеем, привезённым из набега. Она с удовольствием говорила о шестилетней разнице в возрасте с мужем. Клиентура, в основном женская, впечатлилась, и дела у Семигоровой наконец-то пошли в гору.

– Саш, а не будет проблемой, что я не женат? Хуже того, в разводе. Разведённый эксперт по семейным отношениям. Звучит так себе.

– Наоборот, – вскричал Сашка, – звучит отлично! Ты был в браке, прошёл все круги бытового ада, узнал, что такое привычка, скандалы и прочие прелести. Видел жену каждое утро. Всё понял и проанализировал. И вот теперь, на основе собственного горького опыта, объясняешь, как надо строить отношения.

За соседний столик, откуда ушли любительницы селфи, села компания из пяти человек: трое юношей и две девушки. Все, кроме одного паренька с выбритыми висками, блаженно пялились в телефоны, склонив головы. А тот, пользуясь случаем, задумчиво ковырял пальцем в носу.

– А может, мне вообще не рассказывать про свой брак, а просто промолчать?

– Молчать – подозрительно. Да и бывшая жена не хомячок из детства, её не утаишь. Пока ты будешь им что-то говорить,

они будут пробивать тебя по соцсетям. И к концу лекции узнают, что ты носишь трусы с дракончиками.

– Я не ношу трусы с дракончиками.

– Да неважно с чем, – махнул рукой Сашка, – с уточками, крокодилами или феями. Или вообще без трусов ходишь. Главное, что о тебе будут знать даже всякие мелочи.

Юноша с выбритыми висками оставил левую ноздрю в покое и присоединился к друзьям, вытащив из кармана телефон. Едва он вышел из постылого офлайна, как лик его прояснел.

– Но кое в чём ты прав, – сказал Сашка чуть погодя. – Словосочетание «бывшая жена» звучит как-то зло, упаднически. Как нереализованная попытка, как выстрел в молоко. Чувствуется горечь несбывшихся надежд. Совсем другое дело – «бывшие жёны». Вот это уже как-то солидно. Мол, повидал жизнь, покуролесил. Толстый намёк на скрытые достоинства. Ведь за что-то жёны любили? И все, как одна, умницы и красавицы. Да, – вздохнул он, – жалко, что у тебя всего лишь одна бывшая жена. И не скажешь, что модельной внешности.

– Извини, что разочаровал.

– Ничего, бывает, – усмехнулся Сашка. – Мы тебе биографию улучшим. Если будет нужно, появятся мамзели из Саратова, которые будут орать на каждом углу, что ты их бывший муж. Мистификацию я беру на себя!

Я представил себе, как удивится Света, узнав, что она

не уникальна. Решит, что жила со шпионом, ведущим двойную, а то и тройную игру. Будет кричать в трубку и обзывать меня последними словами. Эта мысль меня развеселила. В злорадстве есть немалая доля радости.

– Тебе нужно обязательно сбрить бороду, Виталь, – вдруг переменял тему разговора Сашка. – Выглядишь как современный первокурсник. А тебе уже не семнадцать лет. Наоборот, ты должен казаться опытным. Мудрым, но всё ещё энергичным. Люди ненавидят, когда их учат жить бородатые юнцы, маскирующие хилой растительностью соску во рту. Молодость должна слушать, а не говорить. Поэтому только гладко выбритое лицо, без вариантов.

Я смущённо погладил щёку ладонью.

– Ну так бороды же в моде, – вяло запротестовал я.

– Нет, они были в моде. Теперь борода как усы. Чтобы носить, требуется храбрость и безрассудство. Оставь эту забаву для старшеклассников и дремучих стариков. Я тебе подарю электрическую бритву на Новый год.

– Не согласен с тобой, – сказал я, – но если ты настаиваешь, то без проблем.

В окне, выходявшем на парковку, было видно, как два дюжих мужика в спортивной униформе толкали поломанный внедорожник. Во все стороны от них шарахались машины попроще.

– Ладно, давай по последней, – предложил Сашка, – и поехали домой. Что-то здесь стало душновато... Ну, за разве-

дённного эксперта по семейным отношениям! Нас ждут великие дела и роскошные тела!

IV

В такси было прохладно и пахло лимонным освежителем. Мы выехали в час-пик и еле двигались в плотном потоке. Для водителя пробка в шесть часов вечера почему-то стала откровением. Он ёрзал, что-то бурчал и на невинный вопрос Сашки о том, какой марки этот странный автомобиль, сердито процедил сквозь зубы:

– Китайский.

Чуть погодя он обернулся и пристально посмотрел на Сашку.

– Мне знакомо ваше лицо.

– Просто я знаменитость. Рекламирую таблетки от импотенции. На упаковке – моё фото, – невозмутимо ответил Сашка.

Я толкнул Сашку в бок. Конфликтов мне не хотелось, я чувствовал себя слишком расслабленным для выяснения отношений.

Водитель промолчал, поигрывая желваками, и сделал радио погромче.

В такси я разоткровенничался. Когда ты пьян, любой собеседник кажется психологом. Даже Сашка.

Я жаловался на Свету. Она подала на алименты, законодательно обязав меня выплачивать то, что я и так добровольно перечислял ей на карту каждый месяц. Ко всему прочему,

Света редко разрешала видиться с Егоркой. А когда мы всё-таки встречались, Егорка никак ко мне не обращался и глядел на меня пустыми глазами. Такая разительная перемена произошла в ребёнке всего за полгода. Что же будет дальше? К окончанию школы он меня вообще перестанет узнавать?

– Не забегай вперёд, – сказал Сашка. – Егор ещё в школу не пошёл, а ты уже паришься о том, каким он будет к её окончанию. До его выпуска тебе ещё дожить надо.

– Уж постараюсь, – хмыкнул я. – Приложу все силы.

– Виталь, а ты вообще уверен, что он твой сын?

– А ты реально умеешь поддержать! Я понимаю, почему не ты, а Ира консультировала семейные пары. Вообще-то Егорка на меня очень похож.

– Все дети одинаковы. И похожи они на детей.

Я почувствовал досаду на себя за то, что вообще поднял эту тему. Кому нужны мои проблемы? К тому же у Сашки детей не было. Или во всяком случае ему про них ничего неизвестно. Как он мог меня понять?

– А если серьёзно, то советую тебе расслабиться. Ты же платишь алименты?

– Я перечисляю больше, чем должен. Даже при условии, что не работаю сейчас.

– Тем более. После того, как вы со Светкой разбежались, деньги – это всё, что ты можешь сделать для сына. Егор тебя по-настоящему поймёт, только когда сам наденет обручальное кольцо. Поэтому, что бы ему про тебя не талдычили

каждый день, со временем он взглянет на ваш развод иначе. А на жену наплюй. Хватит тебе о ней думать. В отличие от Егора, она тебе даже не родственник. Всего лишь бывший товарищ по письке. Светка – твоё прошлое. А знаешь, чем прошлое отличается от настоящего? Прошлого не существует, его нигде нет.

Мы наконец-то вырвались с запруженной автомобильными дорогами, которую местные называли Второй продольной, и спустя несколько минут въехали на огороженную территорию жилого комплекса. Нас окружили четырёхэтажные дома, выкрашенные в серо-синий цвет. Бизнес-класс для волгоградской элиты. Повсюду шлагбаумы, будки с охранниками, вызывающе ухоженные детские площадки. Дворы заставлены громадными, как эго владельцев, иномарками. Посередине комплекса торчала миниатюрная копия Эйфелевой башни. Чуть поодаль – скульптура в виде круассана размером с легковушку.

– А это ещё зачем? – спросил я.

– Для атмосферы, – туманно пояснил Сашка.

Открывая ключом тяжёлую дверь своей двухуровневой квартиры, Сашка сказал:

– Она немного странная, но ничего, ты привыкнешь. Для всех, кроме её родителей, она Ксеша. Ты можешь называть её как угодно. Даже Ксю. Она не обижается.

– Ты о ком? – удивился я.

– Ты же не думал, что я один живу?

На самом деле я ни о чём не успел задуматься. Массивная металлическая дверь отворилась, и в проёме возникла темноволосая остроносая девушка. Очень симпатичная. Даже нелепый наряд её не портил. На ней была короткая кожаная юбка, тонкая маечка на бретельках и соломенная шляпка. На ногах блестели грубые кроссовки ядовитого цвета. Дополнял образ ярко-красный рюкзачок на спине.

– А вот и Ксеша, – радостно проговорил Сашка и представил нас друг другу.

– Наслышана о тебе, – многозначительно сказала Ксеша, держа под мышкой свёрнутый гимнастический коврик. Груди у неё почти не было, но зато и бюстгальтер она не носила. Острые соски дерзко торчали в разные стороны. Один мой знакомый называет это весёлым косоглазием.

– И я о тебе, – соврал я по непонятной причине. Пожалуй, из вежливости.

– И что же пирожочек обо мне рассказывал?

Ксеша застала меня врасплох.

– Пирожочек – это я, – объяснил Сашка и тут же поспешил мне на помощь. – Я всем говорю о тебе только хорошее. Ты только что пришла?

– Я только что ушла, – сказала она и, чмокнув Сашку в нос, бесшумно выскользнула из квартиры.

– У Ксешы по вечерам йога в парке, – сказал Сашка. – Ты с ней поладишь.

Шестикомнатная двухуровневая квартира с двумя отдель-

ными санузлами, расположенными один над другим, казалась необжитой, как будто хозяин только вчера справил новоселье. Повсюду было много свободного пространства. Голые стены: ни картин, ни портретов, ни даже старомодных часов. Полупустые книжные шкафы выглядели сиротливо.

Одна комната была оборудована под спортзал. Там стояли две беговые дорожки и велотренажёр. В углу лежала грустная боксерская груша. В Сашкиной спальне трудился робот-пылесос, женским голосом сообщая о наличии препятствия в виде огромной кровати. На стене напротив висел не менее громадный телевизор.

Чувствовалось, что детей и животных здесь нет. Неряшливость – порождение хаоса, который, как известно, и есть жизнь. А здесь было слишком чисто и даже стерильно. Хотелось взять чёрный фломастер и написать на стене неприличное слово, снабдив его нехитрой иллюстрацией.

В лучшую сторону отличалась комната, заставленная цветочными горшками: на полу, комоды и подвесных полках. Сашка пояснил, что здесь хозяйничает Ксеша.

Последний раз я гостил у Сашки два года назад, и тогда он жил ровно в два раза скромнее: три комнаты, одна ванна и жена старше на шесть лет. Однако в той квартире было уютно и тепло.

– Поживёшь с нами пару недель, а потом подберём тебе что-нибудь приличное, – сказал радушный хозяин.

– Желательно, трёхуровневую квартиру. На меньшее я

не согласен.

– Небоскрёбов в Волгограде нет, – отозвался Сашка, – но, может, для тебя построят в ближайшее время.

Как и положено рождённым в СССР, мы уселись на кухне. Однако на продолжение алкогольных возлияний надеяться не приходилось. Сашка заварил зелёный чай в чугунном чайнике и достал пахлаву, рахат-лукум и орешки в шоколадной глазури. Он пояснил, что добавлять не будем, потому что завтра с утра ему предстоит важный тренинг. Пить в одиночку я бы не стал, но, надо отметить, Сашка и не предложил.

– А почему у твоей подруги такое странное имя – Ксеша?

– Потому что ей двадцать три года, – усмехнулся Сашка. – Это переводится на русский как «не имею ни малейшего понятия, что у двадцатилетних в голове». Как она тебе, кстати? Понравилась?

– Ещё бы. Ксеша что надо! А учитывая вашу разницу в возрасте... Четырнадцать лет, получается, да? Ну вот. Сбывшаяся мечта. Хотя у тебя, честно говоря, всегда любовницы привлекательные.

– У меня просто фантазии нет. Чем красивее оболочка, тем легче в постели. А у кого воображение развито, тот может не заморачиваться на внешности, а искать, допустим, человека хорошего. Или родственную душу. Закрыв глаза – и вперёд.

Сашка рассказал, что Ксеша недавно получила диплом дизайнера, но считает себя художницей. Занимается полиго-

нальной графикой, ведёт довольно популярный блог о современной живописи. Любит тайцзи, йогу и чёрно-белые скандинавские фильмы. Смотрит фильмы Тарковского и не засыпает.

– Дай угадаю – она не работает?

– Ксеша пока ищет себя, – пожал плечами Сашка. – Я понимаю, конечно, твой грязный намёк. Да, я её содержу, но ей многого не надо. Ты только не смейся, но мне кажется, что она со мной не из-за денег, – он задумался. – Точнее, не только из-за денег. Похоже, что я привлекаю Ксешу как личность, и ей со мной интересно.

– У-у-у, – невольно протянул я. – Такие мысли как твёрдые волоски, растущие из ушей. Признак старости. Хотя для деменции ты слишком молод.

Почему, когда кто-то значительно старше и богаче своей пассии, его покидает здравый смысл? Такое ощущение, что юная любовница и здравый смысл – это уже слишком много для одного человека. Нарушение вселенского баланса. Поэтому приходится выбирать, и многие, естественно, предпочитают молодость и упругость.

– Смейся-смейся. Сам потом увидишь, – снисходительно кивал Сашка. – Понимаешь, они вообще другие. Не выпендриваются. Почти не пьют. А если пьют, то сухое вино, и никогда не напиваются. Не знают, кто такие рэкетеры. Играют в странные настольные игры. И вообще, почти у всех Ксешиных друзей блаженный вид.

– Другое поколение, – изрёк я философски.

Сашкин телефон выдавал трели каждые пять минут. Звонки, напоминки, сообщения. Он постоянно крутил телефон в руке, обрабатывая вал входящей информации, но нити разговора не терял. Передо мной был Цезарь цифровой эпохи. Но даже Цезарю в конце концов надоело. Он отключил телефон и, видимо, в качестве наказания положил его экраном вниз.

– Ты его таким образом в угол поставил? Показал, кто в доме хозяин?

– Вроде того, – ответил Сашка. – Поначалу такая вовлечённость казалась востребованностью. Было круто играть в делового человека. Но потом я понял, что играю не я, а играют мной.

– А кто играет тобой?

– Точно не знаю. Но похоже, что гаджет – это мозг, а я всего лишь безотказная мышца. Сокращаюсь, когда надо. А звуковые оповещения – это импульс. Гаджет зазвонил, и мышца сократилась.

– Такую тему нужно не под зелёный чай обсуждать, – сказал я, красноречиво постучав пальцем по заварочному чайнику.

Мы вышли на просторный балкон. Я – покурить, а Сашка, если получится, подышать свежим воздухом. Вообще, трезвым я о сигаретах не вспоминал. Но всё менялось после четырёх-пяти стопок. Избавиться от этой особенности у меня

не получалось, хотя прошло уже десять лет, как я бросил курить.

На улице уже зажглись фонари. Элитный жилой комплекс погрузился в уравнивающие всех сумерки.

Разговор как-то сам собой приплыл к Сашкиной жене.

– Так что у вас с Ирой случилось?

– Ну ты же сам через это прошёл. Всё как у всех, – вздохнул Сашка. – В доме появляется отвратительный запах. С каждым днём всё хуже и хуже. Воняет дохлятиной. Вы моете пол, стены, ванну, унитаз. Передвигаете мебель, покупаете новые шкафы и кровати. Не помогает. Переклеиваете обои, кладёте новую плитку. Делаете капитальный ремонт. Не помогает. Злитесь и уезжаете в отпуск. Вкусное вино, пальмы, солёное море. Вонь слабеет, но не исчезает. Проходит неделя, и вы возвращаетесь. А дома ещё хуже, чем было до поездки. Вы, в порыве отчаяния, продаёте квартиру и въезжаете в новую. В чистую, только что сданную квартиру. Но там – та же невыносимая вонь! И тут вы всё понимаете. Это сдох ваш брак. А вы и не заметили.

Мы помолчали. Я посмотрел на его обручальное кольцо.

– Но официально же вы не развелись?

– Нет, конечно. Это было бы плохо для бизнеса. Семьи нет, но зато остались кольца на пальцах и совместные фотосессии в люксовых номерах, где мы притворяемся счастливыми мужем и женой. Получается, кстати, неплохо.

Во дворе две женщины громко обсуждали какую-то вос-

питательницу из детского сада. Судя по их тону, у неё могли быть проблемы.

Я переменял тему и заговорил о том, что меня волновало с той самой минуты, как Сашка озвучил своё предложение о работе.

– А тебе не кажется, что, выдавая себя за коуча по отношениям, я буду обманывать людей? Так сказать, врать из корыстных побуждений...

– Что за бред?! – скривился Сашка. – Не будешь ты никого обманывать. Если бы им нужна была квалифицированная помощь, они бы обратились к психологу или в крайнем случае психиатру. Но они идут к тебе, к коучу. Ты же не выдаёшь себя за дипломированного психолога. Ты будешь экспертом. На том основании, что сам так себя оцениваешь, а они всегда могут с этим не согласиться и уйти. Запомни, Виталя, мы никого не обманываем, мы просто развлекаем людей. Шоумены муниципального значения. Взять хотя бы мои бизнес-тренинги. По большому счёту, я ничему не учу, а просто имитирую процесс обучения. Честно говоря, многим из числа моих учеников-предпринимателей было бы гораздо полезнее сходить на семинар по бухучёту. Полистать налоговый и гражданский кодексы. Но никто не хочет напрягаться, думать – это слишком энергозатратно. Поэтому они делают вид, что учатся, а мы делаем вид, что учим. Всё по-честному.

Ближе к полуночи Сашка предложил ложиться спать и от-

правился чистить зубы в ванную.

– А где же твоя Ксеша? Вечерняя йога плавно перетекла в ночную? – крикнул я ему вслед.

– Да куда она денется! – беззаботно откликнулся Сашка.

Широко зевая, он вернулся на кухню. На плече – полосатое полотенце, глаза – красные от усталости и алкоголя.

– Ты её совсем не ревнуешь, что ли?

– По вторникам она после йоги ходит на собрания книжного клуба в антикафе. Это такое место, где ни еды, ни питья, одни только разговоры и поминутная оплата.

– Знаю. Я бывал в антикафе.

– Что ты там делал? – удивился Сашка.

– Разговаривал и платил.

– А-а, ясно, – кивнул Сашка. – В общем, они обсуждают литературные новинки. Не за горами осень, а значит скоро выйдет очередная книга Пелевина. Сам понимаешь, это событие радостное, хоть и предсказуемое. Литературный Новый год, можно сказать.

– Ты с Ксешей когда-нибудь там бывал? Или неуютно среди молодёжи?

– Один раз попробовал, но ушёл раньше. Не выдержал. Там люди свои стихи читают!

В школе стихи были ахиллесовой пятой Сашки – он не способен был выучить даже простейшее четверостишие. Более того, он не мог присутствовать в том месте, где звучала лирика. Сашка старался любыми путями выйти из клас-

са, если учительница литературы анонсировала поэтические чтения.

– Когда при мне кто-то декламирует, – продолжал Сашка, – мне до сих пор становится ужасно стыдно. Причём не за себя, а за говорящего.

– Я знаю о твоей рифмофобии с детства, но у меня выбора не было. Ты больше никому об этом не рассказывай! Держи своих демонов при себе. Либо обратись к экзорцисту.

Сашка недоумённо пожал плечами:

– В безумном мире каждый имеет право на сумасшествие. Быть сейчас нормальным – вызывающе.

Вскоре он по-хозяйски скомандовал:

– Всё! Пора спать.

Мне выделили наверху комнату с отдельным санузлом. Знак особого расположения Сашки. Для меня загадка, почему возможность использовать персональный унитаз столь высоко ценится? Не в брезгливости же дело.

Приноравливаясь к ортопедическому матрасу, я слышал, как загремела входная дверь. Похоже, вернулась Ксеша, не нашедшая пока себя в этом мире.

Я отправил бывшей жене сообщение: «Как дела у Егорки?» Ответа не было так долго, что я успел изучить потолок в мельчайших подробностях. Маленькая трещина в углу притягивала мой взгляд как магнит.

Наконец телефон завибрировал:

«Хорошо».

«Вам нужна какая-нибудь помощь?» – не унимался я.

Молниеносное ответное сообщение: «Ты пьяный, что ли?» Привычное хамство Светы меня как-то умиротворяло. Привык за восемь лет и теперь воспринимал как норму.

«Скоро нам будет нечем за квартиру платить», – говорила Света, ложась в постель. Или: «Уже неделя как поломался кондиционер, я скоро в обморок буду падать на кухне». Я в ответ желал ей спокойной ночи и добрых снов.

Теперь без упрёка на ночь мне плохо спалось.

Скучал ли я по сыну или просто хотел узнать, не появился ли у него новый папа? Трудно сказать. Разобраться в себе сложнее, чем просто забыться сном.

V

Ближайшие дни мы жили шведской семьёй: я, Ксеша и Сашка. Я, разумеется, был её платонической частью. Моя роль заключалась в том, чтобы по ночам, со второго уровня, слушать их любовные игры. Для элитного дома у них были слишком тонкие стены. Мне следовало бы сказать об этом Сашке, но я боялся выдать крепнувшую во мне зависть.

Сашка уходил рано утром. Мы даже не успевали вместе позавтракать. Он вёл мастер-классы в каком-то банке, называя это «типовой шабашкой», и радовался тому, как устроился в жизни.

– Банк даёт мне деньги, но я им ничего не остаюсь должен. И никаких тебе процентов и платежей по основному долгу!

К обеду просыпалась Ксеша и варила в турке ароматный кофе с пенкой. Потом самозабвенно занималась йогой. В нелепой пижаме тигровой расцветки – даже небольшой хвост присутствовал! – она с сосредоточенным видом делала десять любимых асан. Фоном играла заунывная мелодия: тягучая флейта изредка прерывалась ударами гонга. Взбодрившись, Ксеша бралась за дело.

Сашка поставил перед ней амбициозную цель – сделать из меня человека, как он выразился. То есть подобрать одежду и парфюм.

– Лук у него будет топовый, – заверила Ксеша.

Чёрт дёрнул меня за язык пошутить, что я буду, как Джулия Робертс, а она – как Ричард Гир. Так с лёгкой руки Ксеша я получил прозвище «красотка». Весьма солидное для мужика под сорок.

Даже не знаю, что хуже – быть «пирожочком», как Сашка, или «красоткой». Хотя у Сашки имелась уважительная форма обращения. Когда он радовал Ксешу своим поведением, то становился «пирожочком с яйцами». Мне о таком оставалось только мечтать.

Ксешина страсть к раздаванию кличек направо-налево не знала границ. Одарив кого-либо прозвищем, она, казалось, забывала его настоящее имя. Виталиком с того момента она меня ни разу не назвала.

Я проводил с Ксешей много времени, всё лучше узнавая её. Первоначальная куца характеристика, звучавшая как «красивая девушка со странностями», обростала занимательными подробностями. Я заметил странную Ксешину манеру смотреть не в глаза собеседнику, а в область переносицы. Первое время я по наивности думал, что её смущают мои густые брови. Может, как-то эстетически не соответствуют представлениям Ксеша о прекрасном. В общем, я малодушно и, как оказалось, совершенно напрасно подстриг брови.

Нет, Ксеша не искала изъянов на лице говорившего. Взгляд её был направлен внутрь. Мне представлялось, что Ксеша оценивала не слова, а пыталась прочесть мысли. Заглянуть, так сказать, за ширму без ведома собеседника. Су-

дя по тому, как много вопросов она задавала, проникнуть ко мне в голову Ксеше не удалось.

Первый шаг на пути к «топовому луку» я сделал самостоятельно: решительно сбрил всю растительность на лице, чем изрядно обрадовал Сашку. Похоже, список его фобий расширился за счёт неприязни к бородам. Где-то в начале списка располагалась старая добрая рифмофобия.

Ксеша завершила работу над моим обликом всего за два дня. Мы посетили с десятков магазинов, где я терпеливо, даже стоически, вёл себя в примерочных. Мой гардероб пополнился водолазками, джинсами, тремя костюмами и приблизительно килограммом модных футболок. Широкий ассортимент купленной обуви напомнил мне о благословенных временах семейной жизни. В прихожей у нас стояла тумба, набитая до отказа туфлями, балетками и кроссовками Светки. Мои единственные всесезонные полуботинки торчали с краю, как затычка. Каждый раз, когда я их с усилием впихивал, я опасался, что тумба лопнет.

Ксеша предоставила в моё распоряжение пять образов. Выбирать я мог любой по настроению, но самостоятельно вносить изменения не рекомендовалось. Каждому образу соответствовал определённый аромат. Чтобы не перепутать, я даже законспектировал Ксешины слова. Вообще, выяснилось, что иметь собственного стилиста весьма удобно. Думать не надо совершенно.

– Красотка полностью упакована, – Ксеша любовалась

мною, щёлкая от удовольствия языком. – То, что надо. Именно так должен выглядеть семейный эксперт.

Целыми днями мы гуляли с Ксешей по городу, с упоением предаваясь праздности. Часто и без какой-либо надобности катались кругами на трамвае. Это была Ксешина блажь. Она, к моему удивлению, относилась к поездке на трамвае как к какому-то священнодействию. Ксеша заблаговременно, ещё на остановке, отключала звук телефона, чтобы никто не мог её отвлечь. Едва мы входили в вагон, как она замолкала и уходила в себя, тихонько покачиваясь под стук колёс. Ксеша с блаженным видом смотрела по сторонам, будто впервые попала в Эрмитаж. От попыток разговорить её в трамвае я вскоре отказался и тоже молча глазел на пассажиров. Мне вспомнились слова Сашки о том, что Ксеша совсем не алчная. Действительно, чтобы произвести на неё впечатление, многого не требовалось. Её нужно было катать на трамвае и уступать место у окна. Прямо-таки травоядные желания для симпатичной девушки.

Я понял, что небрежный вопрос о стоимости проезда – это понты высшего порядка в общественном транспорте. Кондукторы в синих манишках, утомлённые чужой самореализацией, в ответ неодобрительно цокали языком. Половина пассажиров трамвая, особенно молодые, делали вид, что впервые едут в трамвае. Случайно зашли, пока их голубой мазератти на ремонте. Просто так вышло.

Обедали мы с Ксешей в кафешках, и ещё обязательно бра-

ли с собой еду на вынос. Готовить Ксеша не умела совершенно. История её запросов в ютубе говорила сама за себя: «Как разбить яйцо?», «Нужно ли чистить морковь?», «Как определить, что вода закипела?»

Мы забегали в вегетарианское кафе, где Ксеша как-то раз уговорила меня попробовать овощной смузи, приготовленный из свёклы, сельдерея и болгарского перца. В густой напиток ещё и добавили каких-то специй. Я выпил его, не теряя присутствия духа и стараясь не морщиться. Не хотелось огорчать Ксешу. Однако вкус полезного смузи пришлось долго заедать мороженым без добавления молока и сахара.

Алкоголь Ксеша почти не пила. Единственное исключение – сухое розовое вино. Её друзья, с которыми мы иногда встречались, также не проявляли особого интереса к выпивке. Видимо, соцсети заменили им почти все нехитрые удовольствия в мире. Многие из них забыли, как держать голову прямо, застыв в вечном поклоне своему телефону.

Я с интересом рассматривал её подруг, внешне разительно отличавшихся от тех девушек, с кем я столь активно общался пятнадцать лет назад. Короткие, ненакрашенные ногти, огромные очки с маленькими диоптриями, в руках – научно-популярная книга о работе кишечника. Вся одежда в стиле «унисекс». Они не выставляли себя напоказ и не провоцировали. Никаких тебе мини-юбок, оголённых пупков и густо намазанных лиц. Вместо босоножек на высоких каблуках – невзрачные балетки. А ещё говорят, что прогресса нет.

Что молодёжь, мол, всё хуже и хуже. Чушь! В облике Ксешиных подруг не было даже намёка на пошлость. Вульгарность осталась в нулевых. Но, надо отметить, пошлость ушла, прихватив с собой сексуальность.

Глядя на друзей Ксеши мужского пола, я вспоминал слова бывшей жены:

– Откуда у таких сладеньких мальчиков в подвёрнутых джинсах и цветных носках появляются девушки? Как вообще можно в носках с Дональдом Даком обзавестись второй половинкой?

– Наверное, цвет носков не главное в мужчине, – возражал я.

Света, дитя поздних 80-х, смотрела на меня, как на идиота.

Интересы Ксеши и её приятелей были довольно широки: от неизвестных мне рэперов до творчества Достоевского. Они обсуждали какие-то клипы, альбомы, скандалы на концертах. В их речи встречалось много терминов, значение которых вызывало у меня недоумение. Например, флоу. Мне приходилось натужно молчать и терпеливо ждать шанса что-нибудь сказать. Поэтому, когда заговорили о том, что творчество Фёдора Михайловича до сих пор весьма популярно на Западе, я поспешил вставить свои пять копеек:

– В Европе любят Достоевского, потому что там много сытых и довольных жизнью. Нужно быть очень счастливым человеком, чтобы зачитываться Достоевским и не впасть

от этого в депрессию.

мысль не оценили. Похоже, что никто ничего не понял. То ли они были ещё слишком молоды, то ли мало читали Достоевского.

Мы часами бродили с Ксешей по центральной набережной, недавно пережившей масштабную реставрацию. Близость реки остужала дневной зной, свежий ветер придавал сил. Ксеша заваливала меня вопросами о бывшей жене, семейной жизни и, разумеется, о причинах развода. Что ни говори, для любой женщины, даже молодой и творческой, эта сфера представляет особый интерес. Поэтому к её любопытству я относился с пониманием.

– Когда ты понял, что у вас с женой всё пошло наперекосяк? – спрашивала она, вперившись взглядом в мою переносицу.

– Когда – точно не помню, зато хорошо помню где. За рулём в припаркованной машине.

Я рассказал Ксеше, как приезжал домой с работы, парковался во дворе и долго, иногда по часу, сидел за рулём. Я просто сидел и смотрел перед собой. Время шло, но я не мог себя заставить подняться на шестой этаж и поужинать с любимой женой. Мне требовалось всё больше времени, чтобы заставить себя выбраться из машины. И я задумался: а что же, собственно, мне мешает? Почему организм, всё моё естество, протестует? Ведь вообще-то я должен был радоваться. Жена, сын, светлая комфортная квартира. Но я

чувствовал себя обманутым. Сперва я страшился этой мысли, игнорировал её, загонял в закоулки разума, но всё без толку. Думаю, многие в браке чувствуют себя обманутыми, но боятся в этом признаться.

Света становилась всё более нервной и разочарованной. На любой мой поступок или даже слово она реагировала с недовольством. Я даже шутить перестал в её присутствии. По мнению Светы, с моими доходами вообще шутить было нельзя. Какое-то время меня сдерживала мысль о будущем сына, но какой смысл размышлять о том, будет ли приемлемым будущее, когда не можешь обеспечить нормальное настоящее?

Дальше так жить я не мог, и передо мной встал выбор: начать изменять и пить по-чёрному или уйти. И вскоре я ушёл. Света не протестовала.

– Теперь многое становится ясным, – сказала Ксеша.

– В жизни вообще всё так понятно, что аж тошно.

Ксеша умела удивить. После долгих рассуждений о том, почему клубничное мороженое вкуснее пломбира, она вдруг выдавала:

– Как отличить жертву судьбы от её орудия?

И, наслаждаясь моим замешательством, сама же отвечала:

– Никак. Они неотличимы.

Любовь к философским умозаключениям имела такой же спонтанный характер, как и все прочие проявления Ксешиней личности.

В один из дней после прогулки на речном трамвайчике мы уселись на лавку под старым тополем и принялись кормить голубей, которые мгновенно окружили нас плотным кольцом. Кроша булочку с маком, Ксеша спросила:

– Получается, в браке главное – быть честным друг с другом?

– Думаю, что большинство семей разваливается из-за неискренности по отношению к самому себе. Самообман коварен. Знаешь, она говорит, что ищет чуткого, а ей на самом деле нужен богатый. Или он считает, что ему нужна верная и хозяйственная, а в действительности хочет ветреную и вульгарную. И чтоб за неё морду бить, по морде получать и страдать, страдать, страдать. Долго играть роль перед самим собой никому не удаётся, и истинные желания обязательно выходят на свет. И вот тогда в стене брака появляются первые трещины.

– Как ты с такими взглядами будешь работать семейным экспертом? Тебе же нужно убеждать людей сохранить брак.

Я пожал плечами.

– Не нужно забывать про юмор. Это лучшее болеутоляющее в жизни.

– Тебе он как раз сейчас понадобится, – сдерживая смех, Ксеша показала пальцем на моё плечо, где растекалось характерное белое пятно. Биологический след незадачливого голубя.

– Хорошо, что не на голову, – проговорил я. – Тут

не столько юмор нужен, сколько другая футболка.

Ксеша предложила взять такси, но я отказался, и повёл её на остановку трамвая.

– Да, меня обосрали. Ну и что? Разве это делает меня плохим человеком?

Поздно вечером в тот же день Сашка огорошил меня известием о том, что утром мне предстоит провести групповой тренинг.

– Завтра у тебя дебют! – веселился он.

– Подожди, а как же подготовка? Что мне им рассказывать вообще?

– Вот тебе конспекты Иры по теме, – Сашка протянул мне кипу распечаток. – Полистай на ночь. А готовиться тебе и не надо. Мы тебя столкнём в воду, и ты сразу научишься плавать. У тебя выбора не будет.

– Нормально... А какая хоть тема тренинга?

– Гармонизация семейных отношений. Ничего сложного.

VI

Кабинет был небольшой, но, как оказалось, вместительный. Три ряда стульев, прямоугольный письменный стол и высокое кожаное кресло, на котором я восседал на правах семейного эксперта. Справа от меня возвышался экран для проектора. Самого проектора в аудитории, конечно же, не имелось.

Из окон, выходящих на оживлённый перекрёсток, лился яркий солнечный свет, и присутствующим приходилось щуриться и прикрывать ладонями лицо. Сашка почему-то не додумался установить жалюзи. Может быть, он таким образом хотел вычислить вампира в толпе. Не знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.